

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Через Фонд культуры вы имеете право на самостоятельные виды деятельности. Наше общество коллекционеров и наши ассоциации, посвященные малым народностям, должны быть в недрах нашего Фонда, поэтому мы должны знать, какую переписку вы ведете.

(С МЕСТА: Но вы благословляете нас?)

<Д.С. ЛИХАЧЕВ:> Это очень важный вопрос о сохранении малых народностей, он волнует весь мир. <...>

Наша повестка дня исчерпана. Она была напряженной. Громадное спасибо всем присутствующим. Поздравляю с наступающим Новым годом! Заседание президиума правления Советского фонда культуры закрывается¹.

**Стенограмма совместного заседания
совета учредителей и правления СФК
25 января 1990 г.**

Д.С. ЛИХАЧЕВ: На наше сегодняшнее заседание приглашены три руководящих органа Советского фонда культуры — Совет учредителей, правление и ревизионная комиссия. Представлены на нашем пленуме общественность, энтузиасты культуры, члены общественных научных профильных экспертных Советов при правлении, дарители, активисты, подвижники Фонда, а также руководители республиканских Фондов культуры и их областных отделений.

У меня есть данные, что кворум у нас достаточный, и можно начать наше заседание. Нет возражений? Нет. Начнем работу.

Вношу предложение пригласить сюда, в президиум заседания, председателей республиканских Фондов культуры, народных депутатов от Фонда культуры, министра культуры СССР Н.Н. Губенко, товарищей, входящих в состав президиума правления Фонда, а также председателя ревизионной комиссии В.А. Гуляева. Нет других предложений? Нет. Пожалуйста, займите свои места.

¹ Архив РФК. Т. 13. Д. № 28

Дальнейшее ведение заседания поручаю Ю.К. Королеву¹.

Ю.К. КОРОЛЕВ: ...Уважаемые друзья! Прежде чем приступить к нашей работе, нам с вами предстоит присутствовать при очень приятном событии, акте дарения. Вы видели в вестибюле те дары, которые предоставляются Фонду культуры. Эти дары делают Алексей Владимирович Муравьев-Апостол, Виктор Кириллович Галкин и Никита Васильевич Воронов. Мы все хорошо знаем наших дарителей, поэтому нет необходимости их представлять. Лучше будет, если я предоставлю слово им...

Н.В. ВОРОНОВ: Я преподношу в дар Фонду архив моего отца и матери. Отец мой, Василий Сергеевич Воронов, известнейший исследователь народного искусства, первый, кто начал эту эпопею. ...Он занялся очень интересной научной работой, которую, к сожалению, не успел закончить, — «Об источниках народного искусства», рукописи которой также входят в этот фонд.

Из чего состоят эти документы? Они посвящены в основном киноискусству, детскому творчеству... он хотел, чтобы наша школа воспитывала так же, как когда-то могли воспитывать своих детей дворяне. Поэтому он учил, будучи последователем Толстого, не только рисовать, — писать дневники, писать рассказы, писать стихи и потом их же иллюстрировать. То есть давал какое-то комплексное эстетическое развитие детям.

(Аплодисменты.)

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Я хотел бы поблагодарить от Советского фонда за книгу. Это была основная книга по искусству народному... книга В.С. Воронова — это отличная книга. Это великолепное собрание было из истории русского искусствоведения.

(Происходит вручение дара.)

Ю.К. КОРОЛЕВ: Слово предоставляется Виктору Кирилловичу Галкину.

В.К. ГАЛКИН: Уважаемые товарищи!

¹ Народный художник СССР, директор Третьяковской галереи, председатель Совета учредителей СФК.

Дар коллекционера — это естественный поступок коллекционера. Это картина известного русского художника В.М. Сидорова. Я хотел бы выразить благодарность Советскому фонду культуры, в знак признательности его благородной деятельности, результатом которой явилось создание клуба коллекционеров, — международного клуба коллекционеров, членом которого являюсь я. Мне бы хотелось, чтобы эта картина и многие другие экспонировались на передвижных выставках в различных городах...

(Аплодисменты. Идет вручение.)

Ю.К. КОРОЛЕВ: Разрешите предоставить слово А.В. Муравьеву-Апостолу.

А.В. МУРАВЬЕВ-АПОСТОЛ: Мне сказал мой сосед сегодня, что более симпатично плохо по-русски говорить, чем на незнакомом языке. И я прошу, чтобы вы извинили все ошибки и поняли, что я хочу сказать.

Два слова <о себе>. Я — четвертое поколение нашей знаменитой исторической фамилии Муравьевых-Апостолов, которые жили и живут за границей. Сперва был, как вы знаете лучше, чем я, Иван Матвеевич Муравьев-Апостол, который уехал за границу, когда потерял своих трех сыновей — Сергея, Ипполита и Матвея. Он уехал и 25 лет во Флоренции жил и возвратился в Петербург, чтобы умереть.

Потом был Матвей Иванович. Он жил в Сибири 31 год, и потому он передал моему отцу, своему сыну, свое имя. Из-за политических причин мой отец уехал <в эмиграцию>. Работал всегда для России, был председателем Красного Креста в Швейцарии, строил приюты. Мы взяли бедных русских детей в Париже. И я, четвертое поколение, родился также во Франции, жил в Англии, в Южной и Северной Америке, но никогда, понятно, не мог учиться по-русски, кроме полутора лет, когда я был на коленях моей светлой памяти бабушки и няни.

Я два слова сказал, кто я. И вчера вечером я посмотрел в англо-русском словаре, чтобы точнее подобрать слово, чтобы сказать сегодня — «восхищение».

Я восхищаюсь Фондом культуры, я очень восхищаюсь Д.С. Лихачевым, что он представил прошлое и сегодня, и в будущем; и всеми председателями и вице-председателями — это все друзья. Я чувствую, что я между друзей. И особенно понятно, что я люблю все фонды — в Москве, в Киеве, в Курске и Рязани, — друзей, которых мы встретили с моей супругой. Это было очень приятно в прошлом году, когда мы там были.

Я благодарю вас, что вы пригласили меня на эту встречу у вас.

Мне 75 лет, и я надеюсь еще 25 лет жить и с вами работать.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Разрешите сказать несколько слов об Алексее Владимировиче. Алексей Владимирович дает нам не первый уже дар из своих семейных реликвий. Первым его даром был карандашный портрет декабриста Матвея Ивановича Муравьева-Апостола, альбом Екатерины Ивановны Бибиковой — сестры декабриста, альбом для записей и другие семейные реликвии.

Сейчас наш гость из Франции — Алексей Владимирович — передает Фонду библиотеку, принадлежавшую раньше отцу Алексея Владимировича — графу Владимиру Муравьеву-Апостолу. Библиотека состоит из 388 редчайших книг, изданных в России и Франции, каждая из которых имеет фамильный экслибрис графа В. Муравьева-Апостола. И для нас это особенно ценно, потому что эти книги — большая редкость в наших библиотеках. По разным причинам они до нас не доходили или отправлялись в запасники.

Таким образом, этот дар существенным образом пополняет, я бы сказал, не только наши библиотеки, но нашу культуру. И громадное спасибо Алексею Владимировичу за этот дар!

(Аплодисменты.)

С МЕСТА: Можно сказать несколько слов? Дело в том, что в Москве на Старо-Басманной улице (сейчас улице Карла Маркса), в доме отца Сергея и Матвея Муравьевых-Апос-

толов помещается Музей декабристов. Я бы сделал заявку на эти дары, потому что полагаю, что такое помещение даров Алексея Владимировича Муравьева-Апостола будет вполне по назначению.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Мы Вашу заявку принимаем, но решение сейчас не можем принять, поскольку должны это обсудить. Нужно посмотреть помещение. Так что президиум этот вопрос решит. И если Алексей Владимирович не будет возражать, потому что главное слово будет принадлежать ему, тогда мы Вам передадим. Спасибо за Вашу просьбу. Алексей Владимирович, Вы не возражаете? Нет.

Мы должны посмотреть, как отапливается помещение музея, нет ли опасности залива книг? Вы знаете, что сейчас происходит в наших библиотеках из-за недостаточной подготовленности помещений. Так что мы сейчас должны все это точно учесть, кто будет читателем этой библиотеки и т.д. Спасибо Вам.

<...>

<Доклады глав республиканских фондов культуры>

Б.И. ОЛЕЙНИК <председатель правления Украинского фонда культуры:> ...Участились акты вандализма, разрушения и осквернения памятников давней и совсем недавней истории... Я уже не говорю о священной Каневской горе, куда стремятся паломники всего мира поклониться усыпальнице великого Шевченко и где, к нашему национальному позору, доньше идет недозволенное по всем нравственным законам строительство.

Мне стыдно уже в который раз вместе с общественностью взывать к гуманности властей достославного града Запорожья, которые упорно пытаются порушить бульдозерами остров Хортицу — известную всему миру колыбель запорожского казачества.

Я бы мог еще и еще читать со свитка прегрешений «славных прадедов великих правнуков поганых». Уверен, что подобный реестр и счета может выставить любая респуб-

лика, ибо это — универсальная беда. И корень ее — в постнулевом <sic!> уровне не только культуры вообще, но что самое опасное — в блестящем отсутствии внутренней культуры, причем именно у тех лиц, которым уже волею судьбы долженствует радеть о культуре и которые, по существу, губят ее.

В этом серовато-тоскливом контексте рождение Советского фонда культуры было, пожалуй, одним из ярких источников света, знаменовавшего начало самой Перестройки. Поскольку именно наш фонд, по определению Д.С. Лихачева, взял на себя тяжелейшую, но столь же и благороднейшую обязанность — восстанавливать и наращивать экологию культуры. То есть уберечь хотя бы то, что осталось после разгула леваков двадцатых и «созидателей нового мира» тридцатых годов, обратить взоры застойщиков <sic!>, устремленные в «светлое будущее», на грешную землю и хотя бы, на первый случай, устыдиться того, что в своем движении «к вершинам» они не замечают, как буквально топчут могилы своих прапредков, а потом уже напомнить, кто же их предтечи и чьих отцов они дети.

Словом, возвратиться к первоистокам и, наконец, осознать, что мы, ныне сущие, стоим на плечах гигантов, что до нас уже была великая культура, созданная гением народа, что эту культуру, по сыновней обязанности, мы должны не только сберечь, но еще и дорасти до нее.

В этом, по моему мнению, стержневая цель фонда культуры. И при всей нынешней самокритичности, при всех неладах и издержках, позволю все же утверждать, что СФК уже имеет и свое реноме, и авторитет не только среди отечественной, но и мировой общественности.

Более чем двухлетний опыт работы Украинского фонда культуры свидетельствует, что найденные в процессе становления формы влияний на обновление культуры в принципе оправдали себя, встретили заинтересованный отзыв общественности. Установилась необходимая в такой деятельности обратная связь...

...Мы боролись за сохранение шевченковских святынь — от мемориала в Каневе, сбора средств на сооружение памят-

ников Кобзарю во Львове и Ленинграде — до маленькой, но дорогой нам, освященной поэтом хатки на Куреневке в Киеве; за предоставление статуса заповедника и реставрацию строений Киево-Могилянской академии; за сохранение исторических памятников Казацкой славы на Хортице, духовной культуры в Белой Кринице на Закарпатье, в селе Пархомовка на Киевщине, где создается Музей Н.К. Рериха; за воссоздание усадьбы Льва Ревуцкого в селе Иржавец на Черниговщине и обустройство в ней мемориального музея; за возрождение традиционных художественных народных промыслов в исторически исконных центрах; за создание Союза кобзарей. Каждая из этих программ поддержана общественностью не только морально, но и материально.

...Особо хочу отметить роль Церкви. Мы одними из первых пошли на естественное сотрудничество с православными иерархами, считая, что показателем уровня цивилизованности, зрелости общества является осознание равенства всех его составных, невзирая на цвет кожи и вероисповедание. Тем более что православная Церковь — наиболее демократическая, открытая система, которая всегда наставляла паству свою на духовное самоусовершенствование, на соблюдение законов предков, на сбережение и охрану первокорней <sic!> рода и народа, на защиту Отечества и его святынь. Собственно, это те заглавные цели, к которым стремится и Фонд культуры...

Уверен, что святое дело нашего Фонда — объединять общество на вечных началах добра.

(Аплодисменты.)

С.А. МАМБЕЕВ <председатель правления Казахского фонда культуры:> Уважаемые члены Президиума, уважаемые товарищи!

Правление Казахского фонда культуры выражает благодарность президиуму Советского фонда культуры за предоставленную возможность выступить на этом высоком форуме...

Несколько слов о характеристике республики. Я не стал бы об этом говорить, если не было бы такого, что часто не

предоставляются характеристики таких регионов, такой огромной республики, как Казахстан...

Казахстан занимает территорию 2,7 млн. кв. км, или второе место <в Советском Союзе> после РСФСР... Среди союзных республик по числу клубных учреждений на 10 тыс. человек Казахстан занимает первое место, по числу массовых библиотек — второе, по количеству театров — третье место.

За годы Советской власти здесь получили дальнейшее развитие литература, изобразительное и театральное искусство, наука и образование. По количеству студентов на 10 тыс. населения Казахстан находится на пятом месте среди союзных республик.

Однако жестокий удар репрессий 30-40-х и 50-х гг. практически вырубил под корень весь цвет творческой интеллигенции. Проснувшись после долгого летаргического сна и оглянувшись вокруг, мы вдруг обнаружили, что практически исчез из повседневного обихода родной казахский язык, исчезает Арал и Балхаш, ежемесячно один за другим идут ядерные взрывы в Семипалатинске... Перестройка, демократия и гласность разбудили народ. ... За последнее время по инициативе общественности Казахстана принят Закон о языке, где казахскому языку придан, наконец, статус государственного, а русский язык признан языком межгосударственного общения. Они имеют равное правовое положение. Наряду с этим получают развитие языки и других народов, живущих в республике. Открываются школы, детские сады с обучением на родном языке, курсы и классы в школах, где обучаются на языках: корейском, немецком, уйгурском, польском, курдском, татарском языках... в течение последних двух лет мы смогли восстановить и открыть до двухсот национальных школ...

Принимаются меры по устранению экологических последствий, связанных с исчезновением Арала и Балхаша. Вот уже несколько месяцев не раздаются взрывы на Семипалатинском полигоне. Но должен сказать, что условием было прекращение взрывов на пять месяцев. В марте месяце срок истечет, т.е. опять станет возможным, что наш

Семипалатинский полигон опять начнет производить взрывы. Мне хотелось бы именно сегодня, с этой высокой трибуны еще раз просить поддержать наше мнение, что в условиях Казахстана взрывы становятся просто невозможными. У нас огромное количество больных детей. По проценту смертности, к сожалению, наша республика занимает одно из самых первых мест и находится в середине той классификации, где наряду с самыми отсталыми странами мира Казахстан находится вот в этой среде по оценке смертности. Мы сегодня должны снова об этом говорить, потому что условия этих взрывов стали иметь ужасающие последствия, и пора с этим делом покончить.

Остаточный принцип выделения средств из бюджета на развитие культуры, безмерное вхождение массовой культуры в среду молодежи нанесли и наносят огромный вред духовному воспитанию нашей молодежи. Это тот реальный фон, на котором начал свою работу Казахский фонд культуры.

Вот поэтому с большим энтузиазмом казахстанская интеллигенция восприняла идею создания Советского фонда культуры, видя в нем прежде всего возможность активно участвовать в заботах о культурном воспитании своего народа...

<Следует рассказ о достижениях Казахского фонда.>

Вместе с тем, я вполне откровенно могу заявить о том, что наше правление Казахского фонда культуры не может быть удовлетворено сделанным... Одной из главных причин нашей неудовлетворенности является то, что мы и сегодня, на пятом году перестройки, по рукам и ногам повязаны старыми положениями, инструкциями, уставами и прочее. И хотя в последнее время принимаются определенные попытки Советского фонда культуры ослабить эти путы, но делается это очень робко и как-то неуверенно.

И второе. Не до конца проработана концепция взаимных обязанностей «верхов» и «низов» — т.е. Советского фонда культуры и республиканских, областных отделений.

Казалось бы, Советский фонд культуры зародился уже в период перестройки, его цели и задачи благородны, что и притягивает к нему творческую и научную интеллигенцию. Однако практика свидетельствует о том, что его ап-

парат не полностью освободился от командно-бюрократического стиля работы.

Сегодня создается впечатление, по крайней мере у членов нашего президиума, что аппарат Советского фонда культуры работает сам по себе, а республиканские и областные фонды — сами по себе. Чтобы не быть голословным, приведу несколько примеров.

Сегодня, на наш взгляд, правление Советского фонда культуры подменяет Всероссийский фонд и практически не уделяет внимания развитию фондов других республик... Или возьмем великолепный журнал «Наше наследие». Ведь это же по сути, по содержанию российский журнал, а никак <не> Советского фонда, предназначенного равно и широко освещать культурное наследие народов всего Советского Союза.

(Аплодисменты.)

Не может нас не беспокоить и однобокая международная деятельность СФК. Она в основном ориентирована на установление связей... со странами Запада. В то же время Казахстан, республики Средней Азии и Закавказья многие века имели крепкие культурные связи со странами Востока и Азии...

Напрашиваются некоторые выводы.

Деятельность Советского фонда культуры, его президиума должна отвечать своему названию, быть общесоюзным органом, где работа по республикам должна быть решающим принципом.

В связи с этим его программа должна учитывать интересы всех без исключения региональных Фондов культуры. Это относится и к международной деятельности.

Советский фонд культуры должен стать не на словах, а на деле координационным, методическим центром для всех его подразделений. Он должен защищать, отстаивать в союзном правительстве интересы всех Фондов культуры...

При таком подходе наш вклад в главное дело нашего общества — перестройку — будет более весомым...

И.Я. ЗИЕДОНИС <председатель Латвийского фонда культуры>: ... Некоторые стратегические уровни действия

Латвийского фонда культуры. По какой стратегии мы работаем.

Если представить здание культуры как пирамиду, в которой «официальная культура» или официально субсидируемая культура или «бюджетная культура» занимает середину и большую середину этой пирамиды, то Фонд культуры в нашей республике отрабатывает такую стратегию: занимать нижние слои пирамиды и самые верхние слои, т.е. те плоскости жизни, которые по разным причинам не заняты.

Нижние слои — это официальной культурой не запланированные активности: всякие странные люди... «оригиналы», аутсайдеры, художники-наивисты, местные хронисты... авторы народной педагогики, самоучки, авторы исторических книг разных отраслей (история пчеловодства, история антиалкогольного движения, история мореходства). И «практическая культура» (прикладная культура), культура домохозяйства, культура ландшафта, культура роцц и аллей...

Самые верхние слои — это культурная политика, реабилитирующая такие слова, как «элитарность», «иерархия». Во всей природе властвует закон иерархии. И мы должны вернуть пирамиде ее запрещенные, запрятанные, промолченные <sic!> слои. К примеру, в особняке Фонда культуры на Рижском взморье мы реставрируем традицию в каком-то смысле элитарного клуба ученых разных отраслей, это не союз, не общество, не объединение, не семинар, а именно клуб — без протокола, без плана и без отчетов. Просто место, где ученые могут прийти и проверить свои изысканные тезисы на остроумных слушателях — своих коллегам, ученых и художникам...

Еще один стратегический принцип. Вернуть земле, географической среде информацию, которая почерпана там и путем науки и литературы перенесена центростремительно в библиотеки, фолианты, энциклопедии, атласы, картотеки, в информационные банки электронной памяти. Вернуть информацию родному месту, откуда она вытекала. К примеру — топонимы. Латвийский фонд культуры начал образование атласа топонимов Латвии, но не в таком центростремительном смысле, как Институт языкознания, а в

центробежном смысле. Из этих картотек мы вернем названия мест на места, на места, которые сейчас заброшены, на места, людьми покинутые по причине ошибочной государственной аграрной политики. Заброшенные места опять приобретут свои имена: хутора, ручейки, измученные мелиорацией, рощи и опушки, холмики и пруды. В Латвии каждый хутор нес с собою около 20–30 топонимов. Даже яблони носили свое собственное имя.

Также 8 томов латышских дайн¹ имеют своих сказителей и указанное место, откуда они родились. Мы должны отметину оставить на этом месте, где он или она в прошлом столетии произносили это четверостишие собирателю фольклора. Отметину на камне, на кресте, на стене автобусной остановки — ее имя и песню.

Мы должны оставить отпечатки культуры, чтобы среда не одичала и чтобы слова напоминали о присутствии энергии культуры. Мы всё больше и больше будем упоминать о реабилитации слова «энергия» как потенциала носителя идей и материи. Я считаю, что сами слова, написанные чеканкой, резьбой или иначе провозглашенные, — суть носители энергии и добротности. Сказано: «В начале было Слово», и не шуткой сказано. Мы, работники культуры, причастны к этой энергетике слов, символов и облагороженных знаков человеческой культуры.

Еще немножко о программах и направлениях работы Фонда культуры. В документах сказано, что по программе «Даугава» мы готовы сотрудничать с СФК²... Направление, которое субсидируется больше всего Фондом культуры, — это реставрация разрушенных церквей (у нас большинство церквей разрушены). ...При Фонде культуры работает общество финно-угорской народности Латвии, работает общество русской культуры. Это общество на днях выпускает на русском языке газету, в которой перепечатывает материалы из газеты Латвийского фонда культуры...

¹ Дайны — общее название произведений литовского, латышского фольклора.

² Латвийский фонд культуры в 1989 г. первым из республиканских фондов формально отделился от СФК.

Работают также опорные группы, из которых самые интересные, работоспособные: группа по истории мореходства, которая своими средствами делает фильмы о старых капитанах, выпускает ежегодник наподобие календаря мореходства; группа по изучению истории лесохозяйства и группа школьников, очень интересная, — «Зеленая пуговица» (они носят одну зеленую пуговицу, в ухе или еще где-то), которая выезжает по субботам и образует ландшафт — «образователи ландшафта». Они занимаются реставрацией и консервацией старых руин. А руин в Латвии полно, сплошные руины. И группа реанимации маленьких рек, речушек. Они берут под свою опеку маленькую речку и с самого начала и до конца занимаются ею — не только биологией, экологией, они воюют и с председателями колхозов, занимаются комплексом мер, связанных с жизнью, реанимацией этой речушки.

Вот так мы работаем.

Тут я не могу не высказать своего отношения к одной публикации, которая была сделана в молодежной русской газете, — о создании гуманитарного института в Латвии. Фонд культуры Латвии отгораживается от этой идеи. Более того, будет бороться против этой идеи. И уже сейчас высказывает протест, что в печати Латвии появилось ходатайство за такой институт и под ним подписались наши уважаемые коллеги Д.С. Лихачев и Б.И. Олейник. Мы против такого института в данной исторической ситуации. Не вообще, это было бы глупо идти против такого института. Но в данной исторической ситуации это — политический шаг. Политический шаг, а не шаг культурный... Инициаторами и носителями этой идеи являются самые темные силы стагнации, можно сказать, люмпенбюрократия и люмпенпартократия. Институт мы создадим, но не такой институт, насыщенный неокOLONИализмом и шовинизмом, не институт политической борьбы, каким он по своей шовинистической тактике является сейчас... Я думаю, что наших уважаемых, упомянутых мною сейчас людей просто обманули, выманив их подписи.

Благодарю за внимание. Я рад сотрудничать с Советским фондом культуры и буду делать все, чтобы програм-

мы СФК реализовывались, чтобы они прозвучали в мире, чтобы они прозвучали в Советском Союзе, чтобы они звучали в Латвии. Много можно было бы об этом говорить, но я и так задержал ваше внимание.

(Аплодисменты.)

<...>

<Выступление Н.В. ВОЛКОВОЙ¹>

Уважаемые товарищи, нашему вниманию предложены проекты программ дальнейшей работы Советского фонда культуры. Среди пунктов, входящих в эту программу, стоят музеи, библиотечные отделы <Советы>. И мне кажется, даже не специалисты ощущают отсутствие здесь еще одного направления, а именно архивного дела, теснейшим образом связанного как с музеями, так и с библиотеками. За исключением, мне кажется, одного, что если в библиотеках хранятся все-таки тиражированные издания, то в наших архивах каждый документ — в одном экземпляре, т.е. практически он является уникальным.

Между тем положение архивов в настоящее время ничуть не лучше, а может быть, в некоторых отношениях даже и хуже, нежели состояние музеев и библиотек. Архивы не обеспечены зданиями, а имеющиеся здания — это на периферии главным образом церкви, — нуждаются в строительстве, нуждаются в капитальном ремонте.

Архивы имеют чрезвычайно плохую материально-техническую базу. В последнее время в газетах очень много писали об архивных тайнах, будто бы архивы не хотят предоставлять документы исследователям. Дело не в этом. В связи с новыми веяниями мы быстро с этим справились. Но наша техническая база настолько плоха, что отсутствуют лаборатории, множительные аппараты, даже каталожные ящики, а это приводит к тому, что исследователи, приходя в архивы, не могут получить нужные материалы и необходимые им копии в нужном объеме.

¹ Директор Центрального государственного архива литературы и искусства, член Совета учредителей СФК.

Чрезвычайно тяжело и положение архивистов, как в условиях их работы, так и в силу получаемой ими зарплаты...

Я бы просила (я говорю это от лица большой армии архивистов), чтобы в наши программы <СФК> был бы включен пункт об архивном деле...

<...>

Г.В. МЯСНИКОВ: Слово имеет Дмитрий Сергеевич Лихачев.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Дорогие товарищи!

Прежде всего, я хотел бы показать книгу, которую подарил Алексей Владимирович <Муравьев-Апостол>. Он подарил книгу А.Н. Бенуа «Царское Село при Елизавете». Два года тому назад, смотря в коммерческие каталоги США, <мы видели, что> эта книга стоила 2 тыс. долларов.

(Показывается книга.)

Я хотел бы, прежде чем сказать по отдельным докладам, которые все были очень интересны, все очень поучительны и все разнообразны, не повторяя друг друга, — я нашим заседанием в этом отношении чрезвычайно доволен, — хотел бы сделать некоторые предложения.

Во-первых. Я бы просил, чтобы наше собрание обратилось в Верховный Совет Советского Союза о создании закона о культуре. Первоначально я думал о необходимости закона об охране памятников культуры и истории. Только. Но, поговорив здесь с Николаем Николаевичем Губенко, который уже подготовил материалы для закона не только о культуре, но об охране, развитии культуры и т.д., нам нужно обратиться к Верховному Совету (поручим нашему правлению сформулировать) с обращением: создать закон о культуре и утвердить его как можно скорее. Потому что каждый день в нашей стране (и во всем мире) уносит памятники культуры безвозвратно. И книги, и картины, и архитектурные памятники, и ценности ландшафтные, и ценности ландшафта городского и т.д. Об этом уже много говорилось здесь.

Нужен закон о культуре в нашей стране. Получается интересная еще вещь. То есть не интересная, а очень печальная, что во главе культуры стоят люди иногда совершенно бескультурные.

Где-то в Прибалтийских республиках, кажется, в Эстонии, был закон о том, что перед тем, как мэр города приступает к обязанности мэра города, он обязан был сдать экзамены по истории своего города. Это очень важная вещь. Потому что попадают люди случайные, из других городов, не представляющие себе ценностей, которые попадают в их руки, и т.д.

С этим предложением я буду обращаться и в ЮНЕСКО. Но надо прежде всего обратиться в Верховный Совет Советского Союза о создании закона о культуре и принять его как можно скорее.

Второе. Обратиться в Верховный Совет об ускорении возвращения исторических названий. Об этом говорил В.П. Нерознак¹. Каждые пять лет составляются новые карты нашей страны. В этом году составляется новая карта советской страны, и в ней должны быть исторические возвращенные названия, в отношении которых местные Советы приняли решение. Мы передали в печать изменения по многим из них. В этом году новые карты должны выйти с историческими названиями Нижнего Новгорода, Твери, Самары и т.д.

Также прошу правление Фонда культуры незамедлительно, может быть, в понедельник сформулировать это обращение и послать его в Верховный Совет.

Третье, и очень важное. Незамедлительно, это буквально не терпит часов, а не только дней. Нужно обратиться в Центральный Комитет КПСС о передаче 6 тыс. метров готового вполне здания и оборудования, по последнему слову техники выполненного, партархива в Ленинграде для рукописного отдела Пушкинского Дома² и архива Академии наук, которые находятся в ужасающем состоянии.

За эту осень произошли три или четыре катастрофы, и только чудом вода не достигла рукописей Пушкина. Это состояние, которое не дает спать людям, которые ведают и отвечают за архивы Пушкина! А отвечает за это в конце концов вся страна. Это — рукописи Пушкина (кроме «Зо-

¹ Глава топонимического Совета СФК.

² Институт русской литературы Академии наук (далее — ИРЛИ), где хранятся рукописи Пушкина и других писателей.

лотога петушка», она в Берлине), это почти все рукописи Лермонтова, его картины, шашка, эполеты. Там погибли и мебель, и величайшая книжная картотека Пиксанова от горячего пара, который весь день тек в Пушкинском Доме.

И это обращение необходимо потому, что нам снова предлагают дворцовое помещение <для нового хранилища рукописей ИРЛИ>. А дворцовое помещение — это не архивное помещение, оно не предназначено для этого, его надо переоборудовать по крайней мере пять лет. Мы не можем терпеть и пяти дней! Мы должны немедленно спасти. Пар, который шел всю ночь! Вы представьте, если температура будет понижаться, то рукописи обледенеют. Это положение возмутительное, говорящее о некультурности наших деятелей, стоящих во главе культуры.

Третья просьба — это обращение к Центральному Комитету, а может быть, лично к Михаилу Сергеевичу Горбачеву. Я заявил, что если рукописи Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Салтыкова-Щедрина, Блока будут находиться в таком состоянии, если по 50 лет у нас не обработаны фонды, то я выйду из состава Академии наук. Я не вижу иного пути, чтобы воздействовать и привлечь внимание всего мира к тому, что происходит в нашей стране. Но я не подавал это заявление и прошу печать не искажать моих слов. У меня еще есть надежда, что наш партархив будет достоин своего призвания — хранить культуру в нашей стране. Как увеличится престиж нашей парторганизации в Ленинграде, если такой величайший архив они передадут под хранение рукописей Пушкина, Лермонтова, — ведь престиж увеличится! Я не понимаю, как это могут не понимать люди, которые ведают этим партархивом. Дело в том, что в Академии наук и в нашем Институте <ИРЛИ> есть люди, которые против этого. Вы можете этому не поверить. Это люди случайные в нашем Институте. Ведь получить дворец в Ленинграде — это значит отложить дело до конца ремонта. Перевозка архива — это очень сложная вещь. Это значит отложить дело на три-четыре года, а там либо шах умрет, либо еще что-то случится. Хозяйственники — это часто люди «перекатиполе» — сегодня они в одном, завтра —

в другом месте. Они обеспечивают себе таким способом свободную жизнь на несколько лет, до окончания переоборудования дворца, а при переводе в партархив им нужно будет работать завтра же!

Поэтому такое обращение в наш Центральный Комитет и лично к Михаилу Сергеевичу Горбачеву, я думаю, от нашего собрания сегодняшнего заставит наконец позаботиться <о хранилище рукописей>. Потому что мой выход из Академии ни к чему не приведет. Скажут, вот опять капризы Лихачева. А я вовсе не капризный человек. Я очень много терпел и могу терпеть, но терпеть <такое> положение с рукописями наших классиков, с главным достоянием нашей культуры, я не могу!

(Аплодисменты.)

Затем я бы попросил вот о чем. В день, когда я заявил о возможном своем уходе из состава академиков, Гурий Иванович Марчук — президент Академии наук — сделал очень хороший шаг, и нужно только, чтобы он от этого шага не отказался. Речь шла о передаче Нескучного дворца, где сейчас размещается Президиум Академии наук, гуманитарным наукам. Я прошу, чтобы от нашего собрания (причем это было сделано Гурием Ивановичем публично) мы бы поблагодарили телеграммой Гурия Ивановича за его инициативу.

(Аплодисменты.)

Конечно, Гурий Иванович личным приказом не может передать это здание. Но инициатива, им проявленная, — это уже очень много. Поблагодарить надо. Поблагодарим!

(Аплодисменты.)

Тем самым будет утверждаться приоритет гуманитарной культуры в какой-то мере. Ну, если не приоритет, то во всяком случае равное положение гуманитарной культуры с культурой любой другой. Культура, конечно, едина, в этом отношении выступавшие здесь правы.

Четвертое. Я бы просил, поскольку здесь не было выступавших, но я сам знаю это положение, решить вопрос об организации в нашей стране Ассоциации фотографов. Ведь фотография — самое массовое искусство, которое существует

у нас, самое идеологическое, самое важное искусство. В самом деле, если вы опросите людей в нашей стране или во всем мире, то убедитесь, что людей фотографировавших окажется больше, чем людей, которые никогда не брали в руки фотоаппарат. Это значит, что это самое массовое искусство, искусство, которое изменило наши представления о жизни. Мы знаем теперь в лицо людей, которые давно умерли, наших прадедушек, прабабушек и т.д. Это чрезвычайно важно. Это живые документы. Это частичка души прошлого, ушедшего. Это запечатленное мгновение, которое было год-два тому назад. Поэтому Ассоциация фотографов — это поднятие культуры в нашей стране в какой-то мере. И это момент идеологический.

Теперь я хотел бы сказать по выступлениям. Каждый из выступавших говорил о нуждах своей республики, своего народа. Получилось очень хорошо. Все говорили по-разному, и все говорили то, что касается всех. И то, что было сказано, — это большая школа, которую мы сейчас получили, которую прошло правление нашего Фонда культуры. Правление нашего Фонда культуры поучилось на этом собрании очень многому.

Вот выступление Бориса Ильича Олейника. Что мы можем оттуда почерпнуть? Прежде всего, я хотел бы сказать, что Украина для русского народа — это все равно что для любого магометанина Мекка, ведь раньше из Архангельска ходили босыми ногами в Киево-Печерскую лавру! Киев — святой город. Не только украинского народа и белорусского, но и русского народа всего, от самого востока до самого севера. И мы заинтересованы чрезвычайно, чтобы украинская культура, чтобы все памятники Украины оставались в целостности, сохранности, в ухоженном виде. И мы готовы ухаживать <за ними> всеми нашими силами, всеми нашими славянскими и неславянскими народами, потому что это наш святой город, как и Новгород, кстати сказать. И мы должны со своей стороны ухаживать за украинскими памятниками в наших городах. Ведь Шевченко прожил в Петербурге большую часть своей жизни и похоронен был сперва на Смоленском кладбище. Нет даже доски на Смоленском

кладбище, что здесь был похоронен Шевченко. Нет памятника. Прежний руководитель нашего города Григорий Романов¹ категорически отказывался ставить памятник Шевченко в Ленинграде, заявляя: «Пусть Украина это делает для себя». Он не понимал значения Украины для России, для Петербурга и Петербурга для Украины и для Шевченко. Он не знал, что в его городе строили украинские архитекторы и жили украинские и живописцы, и поэты. По декрету Ленина был поставлен памятник Шевченко в Ленинграде. Но он был поставлен в годы разрухи, из гипса, он разрушился. На этом месте уже стоит станция метро. Я предлагаю, чтобы позади Академии художеств, где учился и работал Т. Шевченко, в сквере был поставлен бюст Шевченко. Это не так дорого. Давайте поставим совместно с Украиной. Пусть Украина нам предоставит бюст Шевченко в бронзе или в камне. Мы выделим место и поставим там памятник. Ведь десятки тысяч украинцев приезжают в Петербург! Им негде поклониться памяти Шевченко в Петербурге, посидеть около этого памятника. Не надо никаких грандиозных памятников. Надо только поставить бюст на постамент. Постамент возьмет на себя Ленинград, это не так дорого. А бюст привезут нам с Украины. Есть на Украине завод по отливке монументальной скульптуры. Так что это совсем нетрудно сделать. Это можно сделать очень просто и очень быстро. Это символически важно. Все наши республики должны объединяться, а не враждовать друг с другом, и понимать, что Россия очень много сделала для Украины культурного (хотя и некультурного тоже) и Украина для России очень много сделала. Украинские художники, украинские деятели религиозной мысли, митрополиты, которые были в XVIII в. почти исключительно из Украины — мы им очень многим обязаны в Петербурге. Зодчий петербургский Иван Зарудный строил у нас и сделал великолепные иконостасы в Петропавловском соборе, где все цари похоронены. Как можно забывать о значении Украины для России?! Точно так же — как можно забывать о значении на-

¹ Первый секретарь Ленинградского обкома КПСС до 1983 г.

ших писателей для Украины? Украина делает все-таки музей Пушкина. Как же мы не можем сделать, поставить бюст Шевченко? Я бы обратился с предложением в Ленгорисполком об организации этой небольшой работы, но очень важной в идеологическом плане.

Я бы еще просил, чтобы наше собрание обратилось к украинскому правительству с просьбой спасти Хортицу. Хортица — это место важное не только для украинского народа, но для всего славянства, всех восточнославянских племен. Через Хортицу предположено провести мост. Это просто возмутительно.

Это, между прочим, результат не отсутствия закона, а отсутствия культуры в нашем руководстве, отсутствия культуры у тех людей, которые отвечают за культуру, отсутствия культуры у мэров города, у председателей райисполкомов и т.д.

Спасти Хортицу, спасти Канев. По этому поводу я писал в «Литературной газете» украинской — по поводу Канева. Это нужно. Потому что это вопреки завещанию Шевченко — застраивается Канев. Многие гордятся, что приезжают в Канев, но приезжают как на увеселительную прогулку на могилу Шевченко.

Я очень приветствую инициативу поэта Игоря Шкляревского о посадке лесов в Белоруссии и на Украине. Это нужно сделать <и> в Российской Федерации. Он на свои средства — гонорар от своих книг — посадил лес. Не думаю, чтобы он был уж такой богач. Но он посадил и принимал активное участие в посадке. Давайте создадим традицию, чтобы наши люди, которым некогда иногда девать деньги, сажали бы леса, сажали бы скверы, сами бы в этом принимали участие.

Чтобы каждый школьник, кончая школу, посадил бы на своем участке школьном одно дерево и чтобы на этом дереве висела бы табличка: такой-то ученик, такая-то фамилия, такой-то год выпуска. Чтобы он приходил и следил за состоянием этого дерева. Это то, о чем мечтал Чехов. Почему это не сделать?

Надо следить за состоянием парков и садов. Потому что идеал экологии, в котором соединяется экология природная и экология культурная, — это парки и сады. Рай первобытный был парком, был садом. Райский сад, а не лес. Поэтому будущий наш рай, если он только будет, будет садом и парком. В сад и парк должна быть превращена наша природа, а не в места для добычи угля и железа.

Меня беспокоит на Украине — это модель Успенского собора в <Печерской> Лавре. Беспокоит вот почему. Под этой моделью могут оказаться пещеры не исследованные, могилы многих деятелей Лавры, камни, которые остались от XI в. Это будет фальшивка. Это будет модель. Это не будет настоящий Успенский собор¹.

Поэтому это место нужно окружить всяческим почитанием, всячески охранять эти остатки. Но не делать из этого модели, которую мы не сможем в полной мере сделать адекватной тому, что было на этом месте.

Это уже будет не святое место. А это будет место сфальсифицированное. Здесь есть момент обмана. Поэтому я уже писал и в украинских газетах по этому поводу и обращался в правительство Украины, что это нельзя делать.

Тем не менее упрямство — вещь очень популярная в нашем обществе, и упрямо продолжается это строительство. Так же как, скажем, что напоминают Золотые ворота <в Киеве>? Не знаю, удовлетворяет ли это украинцев? Всех культурных людей и украинцев это не удовлетворяет.

Меня беспокоит Закон о собственности на землю. Он должен быть принят, это я отлично понимаю. В этом спасение нашего крестьянства, нашего крестьянского хозяйства. Но с археологической точки зрения. Земля распахивается, могилы не сохраняются. За последнее время погибло чрезвычайно много археологических памятников, именно из-за того, что они подверглись такой обработке земли, строительству дорог, посевам, распахиванию. Поэтому мы должны обратиться к тем людям, которые создают Закон о земле, чтобы были всяче-

¹ Главный собор Киево-Печерской лавры. Взорван немецкими фашистами в период оккупации Киева, в настоящее время восстановлен.

ски предусмотрены интересы истории. Это касается и Чернигова, где самые древние памятники славянства. Это пещеры, и они разрушаются от внедрения в землю свай и т.д. А это не только Украине принадлежит, а всему человечеству. Нет памятника, который принадлежал бы одному народу, одному горсовету, одному государству. Есть общечеловеческая культура, за которую отвечает человечество.

Нам нужно всем это осознать. Мы все отвечаем за любую армянскую церковь, за любую русскую церковь. За Кижы отвечает не только Петрозаводский исполком, а отвечает каждый финн, каждый норвежец. Памятник культуры принадлежит всему человечеству в результате обмена опытом человеческой культуры. Это непременно нужно учитывать. Об этом я буду писать в ЮНЕСКО.

Выступление г. Мамбеева по Казахстану. Я с болью воспринял то, что он говорил относительно Арала и Балхаша, относительно заболеваний, которые там возникают. Это говорит о том, что вопросы экологии не могут рассматриваться отдельно от культуры. Экология природы есть экология культуры, это всё вместе нужно рассматривать: и наше здоровье, и здоровье животных, и здоровье растений и того, что мы едим, — всё вместе связано. Мир составляет органическое целое. Мы несем нравственную ответственность за животных, насекомых. Человек — единственное существо, которое имеет сознание и может говорить. Следовательно, человек должен говорить не только о себе и своих интересах. Он должен говорить об интересах всей природы, всей живой природы и всей мертвой природы. Теперь о положении в Казахстане. Положение в Казахстане — это положение не только в нашей стране, но и во всем мире. И это не положение только людей, страдающих раковыми заболеваниями. Это и положение всего животного мира. <...>

Надо создать, конечно, большую программу и для Казахстана и для наших остальных республик, чтобы «Новые имена» касались и их¹.

¹ С.А. Мамбеев предлагал, чтобы дети из союзных республик выезжали за рубеж на концерты и стажировки по линии программы СФК «Новые имена».

Но я обращаюсь и к представителям Фонда культуры Казахстана и других Фондов — проявляйте инициативу. Ведь мы не можем, сидя в Москве, знать, кому в первую очередь нужно поставить памятники, скажем, в Казахстане? Или как нужно обставить 550-летие «Джангара»¹? Это дело местных Фондов. Нужно, чтобы они выступали с инициативой.

Мы не можем все валить, скажем, на «Наше наследие», что мы занимаемся преимущественно русским материалом. Да, мы занимаемся по преимуществу русским материалом, потому что должны считаться с интересами зарубежного читателя и т.д. Но давайте в наши журнал и газету сведения по Средней Азии и т.д.!

Если «Наше наследие» не откликается, то я вам обещаю, как главный редактор ежегодника «Памятники культуры», что мы очень нуждаемся в материалах и по Кавказу, и по Средней Азии, и по Сибири. Так что у нас есть возможность печатать эти материалы. Но мы их должны получить. Мы должны получить программу по каждому Фонду. Поэтому упрек в адрес Советского фонда культуры, что мы по преимуществу заняты Москвой и русскими памятниками, в какой-то мере несостоятелен, инициатива в целом должна исходить с мест.

Я очень заинтересовался также и третьим нашим докладчиком, докладом о Латвийском фонде культуры. Я вижу, что там делается очень многое. И.Я. Зиедонис представил нам чрезвычайно важные проекты: о сохранении культурных ландшафтов, полей; о реставрации руин; о восстановлении малых рек и малых речек. Это так же важно, как сохранение малых народов. Там это названо группами, очевидно, местной молодежи. Я бы прибег здесь больше к названию «Общество друзей» того или иного места. Это могут быть и село, и деревня, и какой-то красивый ландшафт, и речка. «Общество друзей»!

Уже в течение пяти-шести лет в Соединенных Штатах существует «Общество друзей Павловского парка» (речь идет о Павловском парке под Ленинградом). В Соединенных

¹ «Джангар» — калмыцкий героический эпос XV в.

Штатах такое общество есть, а почему в Ленинграде и в Павловске нет общества друзей Павловского парка?! Для меня это непонятно. Люди настолько привыкают к красоте, что они перестают ее ценить и ценят эту красоту на другой половине земного шара. И там издаются книги через издательство «Аврора», там идут пожертвования на наши памятники. А мы с вами, <буквально> живя в этом парке, постоянно туда обращаясь, посещая его памятники, перестаем его ценить! Мы не знаем, чем мы владеем!

То же самое и с Монрепо под Выборгом. Это парк мирового значения, а между тем там тысячи деревьев вырубаются. А там все дело в деревьях, в соснах на красных скалах. Удивительный парк! Он развит очень далеко, и самая большая высота там — вдали от центра. В центре находится дом баронов Николаи, а Николаи — это все-таки президент Российской академии наук, поэт, философ. И вся семья Николаи была совершенно великолепная, сохраняла свой дворец. И теперь совершенно случайного человека, не представляющего себе ценности парка Монрепо, назначили директором. Почему в Выборге не нашлось директора? Своего назначили директора. Он поселился в этом дворце и сжег его. К счастью, не целиком. Но тем не менее успел договориться с кооператорами, и наборные полы были проданы и разобраны сейчас потому, что, дескать, они заражены жучком. Никакого жучка не было. (Г.В. МЯСНИКОВ: Кооператоры — жучки.) Да, кооператоры — жучки. Я там был, я снимался <в документальном фильме>. Есть фильм об этом парке с моим участием, где я рассказал о его мировом значении. Я утверждаю, что эти полы были в прекрасном состоянии. Нужно какое-то обращение к нашему Министерству культуры, к Леноблисполкому, в ведении которого находится Выборг. Я прошу об этом написать, чтобы на это было обращено внимание. К сожалению, некоторые наши крупные специалисты по истории Выборга, имеющие связи и т.д., одобряют эти варварские действия. Вырубка деревьев ведется. А там вся красота в этих деревьях, это лесной парк.

Затем я хотел бы обратить внимание, в связи с выступлениями В.П. Нерознака и И.Я. Зиедониса, на то, что мы также должны изучать топонимику, названия роц, прудов, хуторов, сел. Это исторические названия. С переменами людскими, когда люди переезжают, забываются не только многие местные предания, но забываются просто названия, названия какой-то горки, какого-нибудь пруда. А это свидетельствует об истории, потому что пруды живут сотни лет.

Мне кажется, много интересных и важных терминов прозвучало в выступлении представителя Латвийского фонда культуры.

Скажем, я бы взял на вооружение выражение «присутствие культуры». Это выражение очень важно, давайте его употреблять. Присутствие культуры должно быть всюду: в нашем поведении, в нашем зале, в нашем отношении к истории и в нашем отношении к искусству. Присутствие культуры. Без присутствия культуры мы никуда не двинемся. Присутствие культуры.

Затем его выражение — «жизнь, облагороженная культурой».

Ведь что такое, действительно, культура, как не благородство? Культура облагораживает. Это выражение — «жизнь, облагороженная культурой» — также очень важное.

Наконец, третье выражение (я всегда записываю такие удачные выражения) — «энергия культуры». Культура — это не нечто пассивное, которое нужно только хранить. Культура действует. Я вас уверяю, что, если вы понимаете хоть немножко искусство и если вы войдете в Русский музей, допустим, в отдел икон, вы выйдете из этого отдела икон иным человеком, чем туда пришли, потому что энергией обладает каждая картина, каждая скульптура. И эта энергия, кстати сказать, может быть исследована не только парапсихологией. Когда вы встречаетесь, скажем, с древнерусской живописью, вы даже чувствуете, на каком расстоянии вы должны находиться от этой вещи. Это просто ощущается, потому что каждая из икон рассчитана на определенное расстояние в отношении смотрящего на нее.

Затем я хотел бы обратить внимание на очень важный термин в выступлении нашего латвийского представителя, уважаемого Имантса Яновича Зиедониса — об «элитарности культуры».

Культура по природе своей обязана быть, она <и> есть элитарна. Если культура не элитарна, это уже не культура. И нам не надо бояться этого слова, надо его уважать, потому что элитарность — это сущность культуры, это выборность культуры. Человек не все должен создавать в культуре сам. Он должен заимствовать, что-то брать от других. Что-то должно быть в атмосфере, что должно на него воздействовать хорошо. Это — элитарность культуры.

В этой связи я бы хотел сказать, что наличие в нашем обществе нескольких одинаковых организаций, посвященных одинаковой тематике, не является недостатком, мешающим нашей работе. А является, наоборот, очень важным явлением. Поэтому есть несколько философских обществ, как в Латвии, под разными названиями, занимающихся иногда разными предметами или тем же предметом. Это же очень хорошо. Это так же хорошо, как население города — оно должно быть многообразным. Пусть будут разные философии. У нас есть философский кружок <клуб> при Фонде культуры <и> есть «Мир культуры», которые часто пересекаются, и слава богу. На пересечении различных людских жизней создается новая жизнь. Только так. И ни в коем случае, когда человек одинок и что-то может создать новое.

Поэтому давайте культивировать разные типы культур, разные направления и разные интересы.

Я сейчас не касаюсь выступления Георга Васильевича. Обсуждали это выступление вчера. Это выступление в какой-то мере является со мной согласованным, но и развитым. Мне только хочется подчеркнуть следующее.

Советский фонд культуры главной своей деятельностью, запечатлевающей бытие, — это облагороженная культура, создающаяся в стране <так в стенограмме. — Сост.>. Это должно быть связано с издательской деятельностью, с продуманной хорошей издательской деятельностью. Будет выпускаться книга. Ведь полгода уже тому назад я ходил

к Н.И. Рыжкову и получил разрешение на издательскую деятельность. Хотя это разрешение уже было записано в Устав нашего Фонда, утвержденный правительством. Получил разрешение. Но ничего по издательской деятельности существенного не сделано.

Сейчас наметились некоторые сдвиги. Я хотел бы, чтобы все осознали эту важность. Мы не в производственной деятельности должны оставить свои следы, не в значках, не в календарях. А в хороших, культурных и элитарных книгах, рассчитанных на разного читателя, по разным предметам издания. Это чрезвычайно важно.

Издательская деятельность — это первая деятельность, которая на нас должна падать. А потом, конечно, концертная деятельность, особенно в тихих уголках нашей страны, на периферии и т.д.

Но и защита малых народов с их культурой, потому что все это создает цвет культуры, культура разнообразна по своей природе, она должна включать разные народы. И чрезвычайное богатство нашей страны заключается в том, что в ней более 300 различных народов. Это наше счастье, если это счастье находится в руках культурных людей. И задача Фонда — объединение и сохранение различных народов, уважение различных народов, их интересов, их свобод. Это и есть задача Фонда, которая должна идти не только через телевидение и радио, дарения и покупки, а и через издательскую деятельность, потому что книга была и остается самым важным документом культуры.

По поводу выступления Н.В. Волковой. Я хочу сказать еще об одной опасности, в которой находятся архивы, не только в их потопляемости и огнеопасности, но и в том, что у нас нет настоящих каталогов, нет описаний рукописей, их не хватает. Рукопись может храниться, а читатель не может ее востребовать. И роль малых хранителей — наводить читателей на мысль, что по вашей теме есть еще рукопись, как делал И.А. Бычков в библиотеке. Он говорил: «Вы занимаетесь такой-то темой, таким-то памятником. А есть еще рукопись». Но всегда были еще и каталоги. А сейчас это крайняя редкость. Издательству они не выгодны, т.к. не могут

выходить миллионными тиражами. Ученый и интеллигент в своей библиотеке должен хранить прежде всего справочники и каталоги, которые должны быть прежде всего <и> в Фонде культуры. До сих пор этого нет. Должен быть учет памятников культуры. Должна быть картотека коллекций, и должен быть справочный отдел.

И научная работа в Фонде культуры очень отстает. Давайте ее развивать. И в решение нашего собрания внесем и этот пункт. Но мы должны еще вмешаться в процесс хранения. Что хранится в наших архивах. Принципы или принципы, на которых тот или иной документ попадает в архив, на хранение. Сейчас абсолютно неправильный принцип: оставляется не первичный документ, а, так сказать, вторичный документ остается — обобщающее явление. Остается резолюция, но не остается документ собрания, выступления и т.д. Тогда как именно это наиболее целесообразно. Документы частные, а не обобщающие. Потому что обобщающие документы хранятся там под влиянием внимания эпохи, методом приказания начальства. У нас очень много уничтожено документов, которые считались ненужными для хранения, а именно они-то самые ценные сейчас.

Поэтому нужно пересмотреть все положения, по которым остаются в архивах документы. Правильно я говорю? Правильно. Это нужно разработать немедленно, потому что сейчас есть очень большая опасность, что часть документов, как это случилось в Ленинграде, будет уничтожаться.

Все остальные выступления, я думаю, мы будем изучать еще долго.

Я как председатель Советского фонда культуры очень благодарю за чрезвычайно интересные выступления, доклады и всех присутствующих — за внимание. Мы чувствуем, что работаем не зря, что Фонд культуры все-таки представляет собой некоторое культурное объединение, нужное нашей стране, к вам направлено наше внимание, и мы очень благодарим вас за участие. <...>¹

¹ Архив РФК. Т. 57. Д. № 42.

Справа налево: Д.С. Лихачев, И.Н. Воронова, З.А. Лихачева (во втором ряду) в петербургской квартире Лихачевых. 1996 г.

еще об одной вещи, в которой находится драгоценная рукопись. Как известно, в Петербурге находится рукопись Лихачева, которую он подарил библиотеке. Мы уже говорили о том, что рукопись находится в библиотеке. Но всегда были еще и каталоги. А сейчас это крайняя редкость. Издательству рукописей Лихачева